

С. ГАНСОВСКИЙ

ДОСТУПНОЕ ИСКУССТВО

Лех и Чисон миновали больницу и пошли вдоль фасада огромного перенаселенного дома. Возле стены на скамейках грелись под лучами вечеряющего солнца старики; старухи, перебивая одна другую, рассказывали о том, каких хороших детей они вырастили и как у них всегда все было в порядке в хозяйстве. Тут же ребяташки играли в чехарду, перекидывались мячом и с криками гонялись друг за другом.

Возле подъезда мальчонка лет четырех мелом рисовал на стене портрет девочки. Руки, как грабли, косички двумя палочками. От усердия художник высунул язык. Зрители — все мелкота — стояли полукругом в благоговейном молчании.

Из углового подвала неслись звуки старого разбитого рояля. Кто-то играл «Песню без слов» ля минор. Чувствовалось, что руки детские, слабенькие. Но не так уж плохо получалось.

— Вот всегда здесь играют, — сказал Лех. — Как ни иду, всегда.

Они пересекли канал по стальному мостику. Вода внизу была черная, как отработанное машинное масло, и казалась тяжелой и густой. Отсюда начинался район особняков.

— Вообще-то с Бетховеном — это гомеопатия, — сказал Лех. — Зря, по-моему, это придумали: воскрешать Бетховена.

— Какая гомеопатия? — Чисон остановился.

— Ну, когда передают на расстояние всякие там мысли и чувства.

— При чем тут гомеопатия? — спросил Чисон. — Вот всегда ты ляпнешь что-нибудь такое. Гомеопатия — это из медицины, что-то с лекарствами. Не знаешь, лучше не говори.

— Да, хотя... — Лех задумался. — Правильно. Не гомеопатия, а эта, как ее... телепатия. Ошибся. Ну, конечно, я всех слов не знаю. У тебя это тоже часто бывает. Ты вчера,

Рисунок В. ЧЕРНЕЦОВА

например, сказал «стриптизм». А надо было «спиритизм». Ну, пошли.

Дело было в том, что оба в детстве обучались по новой системе. Каждому за полгода вложили в голову содержание чуть ли не всей Британской энциклопедии. И без всякого труда с их стороны.

Через открытую калитку они вошли в сад Скрунтов.

— Обеды у них хорошие, — сказал Лех. — Останемся пообедать. Прошлый раз подавали медвежью лапу по-русски.

Перед самым домом большой участок был разбит под альпийский садик. С фиолетовыми и желтыми крокусами, желтыми ирисами и мелкими розовыми рододендронами. Все было хорошо ухожено, но посередине шла траншея, а на цветах, смяв их, валялись части какой-то железной конструкции. Ощущалось, что хозяева затеяли очередную перестройку.

В вестибюле лакей Ульрих взял у них шляпы и пошел наверх доложить.

Едва он успел скрыться, как из-за мраморной колонны выскочила бабка Скрунтов и кинулась к Леху на шею.

Бабке Скрунтов недавно исполнилось сто четыре, но благодаря серии омолаживательных операций и фигура и кожа у нее были как у восемнадцатилетней. Только рот почему-то оставался кривым, старушечьим. Тут уж ничего не могли сделать, как ни бились. Ну и с головой, естественно, было не все в порядке.

— Тише! Тише! — Лех отдирает ее от себя. — Успокойтесь.

— Ах, мне нехорошо! — воскликнула бабка и стала валиться на пол, закатывая глаза.

Лех придержал ее за талию.

— Притворяется, дрянь, — объяснил он Чисону. — Это у нее всегда так: хочет, чтоб ее мужчина поднял и понес. — Он мотнул головой, откидывая нависшую на лоб прядь волос. — Ничего, сейчас придет Ульрих. Она его слушается.

При слове «Ульрих» бабка открыла один глаз.

Лакей Ульрих тем временем возник на площадке второго этажа. Он быстро сбежал по ступенькам, остановился в двух шагах от гостей и внушительно сказал:

— Веда Скрунт, вернитесь, пожалуйста, к себе.

— Ах, Алек! — прошептала старуха как бы в забытье. — Ну что же ты, Алек?..

— Веда Скрунт! — лакей повысил голос.

Бабка встрепенулась, проворно встала на ноги и метнулась за колонну. На прощанье она игриво подмигнула Чисону.

— А кто этот Алек? — спросил Чисок, когда они с Лехом поднимались по лестнице.

— Да никто. Прошлый раз был Ян.

Чисон вздохнул.

— Лучше бы дали ей помереть спокойно — прости ее, господи, — чем всякий раз опять омолаживать.

— Не хочет, — возразил Лех. — Не соглашается. Теперь затевает какую-то полную перестройку организма.

По-видимому, фантастику писать не так трудно. Можно просто задаться вопросом: «А что, если!» При нынешней быстрой поступи науки вопрос часто звучит даже так: «А что будет, если!»

После того как проблема поставлена, остается одно, последнее — написать рассказ. Мне, правда, это удавалось всего лишь двадцать раз. Восемнадцать вещей были опубликованы, девятнадцатый рассказ печатается ниже. Двадцатая, маленькая повесть «Шесть гениев», как раз выходит в издательстве «Знание».

Сейчас взялся за двадцать первый рассказ. Проблема-то уже есть.

С. Ганефский.

Лин Лякомб, хозяйка дома, встретила их в холле. (Лякомб потому, что фамилию она оставила себе по третьему мужу.)

— Это Чисон, — сказал Лех. — Помните, я вам говорил? Троюродный племянник того самого Чисона, который «Нефтепродукты и твердый бензин».

— Очень приятно. Как вы прошлый раз добрались домой? — спросила хозяйка Леха, глядя при этом на Чисона. (Такая у нее была привычка.) Не выслушав ответа, она сказала: — Ну, прекрасно. Сколько вы у нас не были? Почти полмесяца, да? Сегодня мы покажем вам три новые вещи... Хотя нет. Четыре... Познакомьтесь, кстати, с моим мужем.

Чисон горячо пожал руку появившемуся тут же плечистому мужчине.

— Да нет, не этот! Это Пмоис, представитель фирмы.

Чисон пожал руку второму мужчине, скромно державшемуся позади.

— Идемте, — сказала хозяйка. — Во-первых, у нас теперь есть нечто такое, чего нет ни у кого в городе. Вы будете поражены, Лех. — Она посмотрела при этом на Чисона. — Настоящее чудо.

Они прошли зал, потом второй, где двое рабочих пробивали дыру в резной деревянной стене. Тут же кольцами лежал кабель толщиной в руку.

— Венецианская работа, — пояснила Лин Лякомб. — Семнадцатый век. Пришлось пробить, но тут уж ничего не поделаешь. Тянут линию для сеанса.

По винтовой узкой лесенке они поднялись в комнату, где едва слышно пахло пылью и царил полумрак.

— Стойте здесь!

Лин Лякомб, стуча каблучками, подбежала к окну и потянула шнур.

Стало светло. Все молчали.

— Ну как?

— Очень здорово, — неуверенно начал Лех. — Кажется, Матисс?

— Нет. Матисса мы еще не убрали. Вот эта.

Рядом с Матиссом на стене висело темное полотно.

Лех и Чисон подошли ближе.

— Это же подлинник, — сказала Лин. В ее голосе что-то треснуло.

— Рембрандт?..

— Конечно. «Отречение святого Петра». Его главный шедевр. Вы не узнали.

— А я думал, подлинник в Амстердаме, — сказал Чисон.

— И в Амстердаме и у нас, — отрезала Лин. — Теперь могут быть два подлинника. В том-то вся и штука. В Амстердаме подлинник, и это тоже подлинник. Изготавливается копия, которая повторяет оригинал на молекулярном уровне. Поняли? Молекула в молекулу. Объясните им, Пмоис.

Плечистый выдвинулся вперед и заговорил сразу, как будто его включили на половине фразы.

...щий вторичный оригинал является новым достижением фирмы «Доступное искусство», которая стремится... В течение трех месяцев по специальному разрешению... Методом трансструктурного синтеза слой за слоем молекулярное строение разных уровней... Самые тщательные исследования не найдут... Не является более подлинным, чем другой. Картина, кстати, будет темнее со временем, как и амстердамский вариант.

— Ловко, да? — Лин Лякомб победно посмотрела на присутствующих, потом повернулась к картине. — Удивительно, что можно дома иметь вот такое сокровище. Это облагораживает. Как-то совершенно меняет человека. Лично я уже не могу жить так, как жила раньше... Между прочим, от чего он тут отрывается, святой Петр? Напомните-ка, Пмоис?

Представитель фирмы набрал в легкие воздух.

— Тема картины, — он заговорил сразу и без передышки, как будто читал по учебнику, — столкновение человека, носителя высокого гуманного идеала, с жестокой правдой действительности. Апостол Петр отрывается здесь от Христа, как бы осуществляя высказанное вечером пророчество: «Еще трижды не пропоет петух, и один из вас предаст меня». Душевная драма, которую

переживает Петр, обуславливается необходимостью сделать выбор: либо предать своего уже арестованного учителя, либо самому оказаться под стражей. Молоденькая служанка, поднеся свечку к лицу Петра, говорит: «И этот был с Христом из Галилеи». Воин в шлеме, готовящийся отпить вино, опускает флягу и с подозрением смотрит на старика. На лице апостола, застигнутого врасплох, выражается мучительная борьба. Его одухотворенное лицо контрастирует с грубой и жестокой физиономией римлянина, а юные черты девушки как бы образуют переходную ступень между этими двумя...

Наступило молчанье.

— А эту служанку он писал со своей знаменитой Саскии, — пояснила хозяйка.

— Н-не совсем, — замылся плечистый. — Саскии тогда уже не было.

— Хотя да. Точно, — поправилась Лин. — С этой второй своей жены... Как ее?

— Хендрикье тоже не было. Она умерла раньше. Картина датируется 1660 годом. Видимо, какая-то случайная натурщица.

— Ах, верно! — согласилась Лин. — 1660-й, естественно. Но все равно. Я просто сама не своя с тех пор, как этот шедевр в нашем доме. Подлинник Рембрандта! Я вся изревелась. — Она достала из кармана платочек и вытерла глаза. — Вчера поднялась сюда одна, сижу реву и все думаю: «Великий Рембрандт. Он стоял перед этим вот самым холстом, и перед ним была Саския...» То есть думаю: «Он стоял перед этим самым холстом, и перед ним была случайная натурщица». Часа два просидела. — Хозяйка внезапно повернулась к Чисону. — Знаете, чего мне это стоило?

— Конечно, — сказал Лех. Он уже приспособился к манере Лин Лякомб. — Больших душевных...

— Нет, я в смысле денег. Четыреста тысяч! Почти годовой доход завода Веды.

Все значительно помолчали.

— Давайте всмотримся в нее еще раз.

Всмотрелись.

— Даже трещинки в краске все подлинные, — сказала хозяйка. Ну, пойдемте. — Она взглянула на часики-перстень. — У нас еще пять минут до сеанса. Мы со Скрунтом успеем показать вам наше второе достижение.

Пока они спускались, Лин Лякомб объяснила:

— Понимаете, теперь все доступно. За то время, пока вас не было, Лех, мы сделали из Скрунта великолепного художника и отличного стрелка.

На столе лежал спортивный пистолет «Б-8» и грудка патронов. Лин протянула пистолет супругу.

— Увидите, как он стреляет. Попадает в монету на лету. Почти что мировой рекорд. Фирма «Доступный спорт». За десять тысяч он стал стрелком-рекордсменом. Во сне. Здорово, да? Ну, давай, Скрунт.

Молчаливый Скрунт зарядил пистолет, расставил ноги и поднял правую руку.

— Он попадает в монету на лету.

Лин Лякомб пошарила в карманах платья, извлекла монетку и с полным бесстрашием стала к стене как раз под пистолетное дуло.

— Раз... Два... Три!

Монета взлетела. Грянул выстрел.

— Блеск, верно? — Лин нагнулась, ища монету. — Сейчас я вам покажу след от пули. Ага, вот она...

Никаких следов на монете не было.

— Странно. Ну, еще раз.

Она вернулась к стене.

— Внимание! Два...

Скрунт невозмутимо поднял пистолет.

— Три!

Выстрел.

Лин Лякомб подобрала монету и выпрямилась с покрасневшим лицом.

— Вот... Хотя нет. Опять ничего. Странно. Ну, неважно. В общем все равно понятно, что здорово, да? Теперь идемте в зал. Самое главное: Бетховен будет играть Лунную сонату. Лично. А уж после Бетховена мы продемонстрируем, как Скрунт теперь рисует.

Они миновали лестничную площадку с копиями греческих скульптур и вышли на южную половину дома. Тут-то и стало понятно, как сильно перестроили особняк. Перекрытия двух этажей сняли, образовался огромный трехсветный зал. Установка заполняла его почти целиком, оставляя место только для небольшой площадки, огороженной со всех сторон канатами наподобие ринга для бокса. Тут и там на полу валялись груды мусора и штукатурки. Всюду тянулись кабели и провода.

На площадке за канатами были поставлены роаяль и стул.

Лин Лякомб усадила Леха с Чисоном в кресла, села сама и вдруг вскочила.

— Черт! Совсем забыла. Жанена ведь должна прийти. Позвоню ей.

Представитель фирмы тоже куда-то отлучился. Лех и Чисон остались наедине с хозяином дома.

Некоторое время царило молчанье. Потом Скрунт неуверенно пошевелился.

— Хорошая сегодня погода, да?

— Погода? — Чисон посмотрел в окно. — Да, ничего... Хотя, впрочем, собирается дождь.

Еще помолчали.

Лин вернулась.

— Ерунда какая-то! Все помешались на этой материализации. У Бельтайнов сегодня материализуют Мильтона, Жанена идет туда. Идиотизм! Представляешь себе, — это относилось к мужу, — Клер Бельтайн и Мильтон. Она же полная дура.

Подошел представитель фирмы.

— Можно начинать?

Хозяйка кивнула, успокаиваясь.

— Пожалуйста. Только сначала скажите несколько слов. Что мы сейчас увидим, и так далее. — Она уселась в кресле удобнее. — Дайте сигарету, Лех.

Пмоис откашлялся, затем посмотрел на установку.

— Смонтированный здесь квадратный материализатор представляет собой в известном смысле венец усилий фирмы, поставившей своей целью дать нашим клиентам возможность познакомиться с величайшими произведениями искусства в интерпретации их прославленных авторов. Мильтон, декламирующий отрывки из «Потерянного рая»; Шекспир, разыгрывающий перед публикой сцены из «Гамлета»; Шопен, исполняющий свои бессмертные фортепьянные баллады, — таков был наш идеал. Предлагаемая вашему вниманию материализация Бетховена является плодом примерно двухлетней напряженной работы. Научные лаборатории фирмы, во-первых, переработали всю доступную информацию о композиторе, во-вторых, по особой договоренности извлекли частицы праха из могилы гения и, в-третьих, учли биопсихологические характеристики живущих в настоящее время отдаленных родственников материализируемого лица. На основе всего этого возникнет живой биологический аналог Бетховена: возрожденный к новой, хотя и недолговечной, жизни человек прошлого века. Вместе с тем оживший автор Девятой симфонии явится перед нами, господа, как материаллизованное представление о нем. В этом смысле он будет более правильным Бетховеном, чем даже тот, которого знало девятнадцатое столетие. Наш экземпляр... Простите, что вы сказали?

— Ничего, — ответила Лин Лякомб. — У меня погасла сигарета. Продолжайте.

— Наш экземпляр освобождается от мелочей быта и от не учитываемых наукой случайностей. При этом, строго говоря, Бетховен будет Бетховеном только первые полчаса. Далее начинается неизбежный процесс приспособления к нашему веку и нашему окружению, что повлечет за собой выработку у личности некоторых новых качеств при утере некоторых старых. Принимаемая во внимание, что действие квадратного по... Извините, что вы хотели?

— Я схожу позвоню Виксам. Может быть, они придут.

— Да, конечно.

Лин Лякомб вышла.

Несколько секунд было тихо, потом Лех и Скрунт одновременно издали какой-то горловой звук.

— Простите, вы, кажется, что-то хотели сказать?

— Я ничего. Это вы хотели что-то сказать.

— Я тоже ничего.

Еще помолчали.

Хозяйка вернулась.

— Альфред говорит, что они у Иды Элвич. Но Иде я звонить не буду. — Она уселась. — Давайте приступать.

Пмоис кивнул.

— Сейчас.

— А разговаривать с ним можно будет?

— Естественно. Только не входите в границы квадратного поля. — Он задрал голову. — Эй, у вас все готово?

— Ага! — донеслось сверху,

— А у вас?

— Да.

— Включайте.

Прозвенел длинный тревожащий звонок. Что-то загудело. Томление нависало в зале, запахло электричеством. За канатами на площадке возникло светящееся пятно с темной областью в центре. Оно уплотнялось.

— Бетховен, — прошептала Лин и облизала губы.

Серое пятно еще уплотнилось, образуя формы сидящего на стуле человека в темном камзоле, с темным галстуком поверх кружевного жабо. Голова и руки сначала были почти прозрачными, потом загустели. Лицо покраснело.

Кто-то из сидящих громко сглотнул.

Человек у рояля выпрямился, поднял голову, невидящим взглядом скользнул по физиономиям хозяйки и ее гостей. На лице его выразилось страданье. Он повел рукой возле уха, как бы отгоняя что-то.

— Какой маленький! — прошептала Лин Лякомб.

— Бетховен и был небольшого роста, — сказал Чисон.

— Тише, — попросил представитель фирмы. — Материализация совершилась. Вы хотели послушать Лунную?

— Да, да, Лунную. — Лин заложила ногу на ногу и откинулась на спинку кресла.

Пмоис сделал знак механикам.

— Выключите.

— Угу.

Гудение смолкло.

— Сосредоточьте его на Лунной. Опус двадцать седьмой. Притормозите все остальное.

— Сосредоточили.

— Ну, давайте, — сказала Лин Лякомб. Она склонила голову набок и полуприкрыла глаза. — Давайте.

Человек у рояля закусил губу и помотал головой. Он задумался. Потом положил руки на клавиши и стал играть.

С минуту все слушали. Затем Лин недоуменно посмотрела на представителя фирмы.

— Что-то не то.

Представитель пожал плечами.

— Да, почему-то сразу вторая часть. Аллегретто.

— Зато он освобожден от мелочей быта, — сказал Чисон. Какое-то смутное раздражение нарастало в нем. Он не мог его подавить.

— Что? — Лин повернулась к нему.

— Я говорю, он освобожден от мелочей быта. От случайностей.

Пмоис мельком взглянул на Чисона. Потом он встал и задрал голову.

— Эй! Остановите его и дайте сильное торможение. Пусть начнет сначала,

Наверху завозились. Щелкнул какой-то переключатель. Человек в камзоле опять помахал рукой возле уха. Что-то боролось в нем. Он положил руки на клавиши и затем снял их. Потом придвинулся ближе к роялю и сыграл Лунную сонату от начала до конца.

Умолкли последние аккорды.

— Блеск! — воскликнула Лин. Глаза у нее сияли. Она схватила руку Леха и приложила к своей щеке. — Чувствуете? Я вся горю. — Она повернулась к Пмоису. — Теперь можно с ним поговорить, да?

— Пожалуйста. Только имейте в виду, что скоро начнется прикосновение и надо будет все прекратить.

Хозяйка подалась вперед.

— Алло! Как вы себя чувствуете?

Молчание.

— Он же не понимает, — сказал представитель фирмы. — С ним нужно говорить по-немецки.

— Ах, верно! Действительно, по-немецки. Я как-то упустила из виду... Кто-нибудь знает немецкий?.. Вы случайно не знаете?

Чисон пожал плечами.

— Как-то глупо получилось, — сказала Лин. — Нельзя тогда быстро переделать его в Байрона, например?.. Нет, нельзя? Тогда для чего мы все это предприняли?.. — Затем ее лицо вдруг просияло. — Постойте, я сама вспомнила.

Она вскочила, подошла к самым канатам и, вытянув шею, прокричала:

— Sprechen sie deutsch?

И с торжеством оглянулась на гостей.

Человек в камзоле что-то брезгливо пробормотал. Разобрать можно было только «...onperwetter».

— Время истекает, — сказал Пмоис. — Надо начинать дематериализацию.

Он поднялся, сделал несколько распоряжений. Все пошло обратным порядком. Раздалось гуденье. Сильнее запахло электричеством. Человек на стенде делался прозрачным. Через несколько секунд все было кончено, установку выключили.

— Я сейчас приду, — сказала Лин Лякомб и сорвалась с места, стуча каблуками.

Мужчины закурили.

Хозяйка появилась разгневанная.

— Слушайте, я все-таки позвонила Иде Элвич, и, оказывается, они тоже воссоздавали Бетховена. Разве так можно? — (Представитель фирмы развел руками.) — Хотя, с другой стороны, это даже интересно. — Лин задумалась на миг. — Сделать двух Бетховенов, например, а между ними поставить эту, как ее... которой он посвятил Лунную.

— Джульетту Гвиччарди, — сказал Пмоис.

— Да, да. Или даже целый оркестр из одних Бетховенов. Вот была бы штука! А рядом более современный оркестр — из Равелей. И послушать, что лучше. — Она резко повернулась к Чисону. — Что же, идемте обедать. А после мы покажем, как Скрунт рисует, хорошо?

Чисон посмотрел на Леха.

— Пожалуй, сегодня нет. В другой раз.

Хозяйка согласилась с птичьей легкостью.

— Ну, как хотите. Пойдемте тогда еще раз взглянем на Рембрандта.

Никто не возражал, и они поднялись снова в светелку на третьем этаже.

Постояли перед «Отречением».

— Удивительно, — с фальшивым восхищением сказал Чисон. Он протянул руку и дотронулся до картины. — Совершенно подлинная трещинка.

Хозяйка смотрела на «Отречение святого Петра» каким-то странным взглядом. Губы ее были плотно сжаты.

— Черт возьми, я была абсолютно уверена, что эта служанка — Саския. — В ее голосе звучало разочарование. — Или, на худой конец, Хендрикке. — Она злобно взглянула на Пмоиса. — Почему вы меня раньше не предупредили?

В вестибюле она сказала Чисону с Лехом:

— Так вы приходите еще через неделю. Знаете, какая мысль мне пришла в голову? Мы воссоздадим Фидия, и он сделает мой скульптурный портрет. При нас же. И кроме того, Скрунт прочтет лекцию о направлениях в современной физике. Он у нас скоро будет ученым. Фирма «Доступная наука». Они из любого берутся сделать Оппенгеймера.

Лех и Чисон пошли.

Отовсюду неслась музыка. Хозяева особняков пели почти как Карузо. Игнали на рояле почти как Рахманинов. Наверное, они еще писали картины почти как Мазереель или Швабинский. Благодаря новым методам можно было стать чуть ли не гением — и без всякого труда.

Лех и Чисон вступили на мостик через канал, когда позади раздался скрип автомобильных тормозов.

— Эй!

Они обернулись.

Из-за руля желтого лимузина Скрунтов выглядывал лакей Ульрих. Он поспешно вышел, держа в руках здоровенный пакет.

— Мистер Лех?

— Ну?

— Миссис Лякомб дарит вам картину «Отречение святого Петра». Подлинник.

Лех неуверенно взял картину. Лакей Ульрих влез в машину. Автомобиль дал задний ход, съехал с мостика, развернулся и укатил.

Лех посмотрел на пакет, затем на Чисона. Внезапно его провало:

— Никакой это не Рембрандт. Все собачья ерунда. Ту картину действительно Рембрандт писал. И мучился и переживал с ней. А это...

Он размахнулся и швырнул второй подлинник в черную тяжелую воду канала. Отряхнул руки и повернулся к Чисону.

— И Бетховен — это тоже не Бетховен.

Они пошли дальше и, не сговариваясь, остановились у большого дома. У подвального окна.

Все так же доносились звуки разбитого рояля.

Женский голос сказал:

— Подожди. Вот опять неправильно. Как ты берешь педаль? Педаль должна быть как лунный свет... И потом вот тут у тебя легато... Ну, начни еще раз.

И голос девочки ответил:

— Сейчас, мама.

Прятели слушали, потом Чисон поднял руку.

— Вот это действительно Бетховен!

И они побрели дальше.

(На самом-то деле это был не Бетховен, а Мендельсон: «Песня без слов» же. Но все равно Чисон был прав.)

